

Герой истории

Хрустальные капли вновь разбились о тонкое стекло, глухим гулом раздаваясь по тусклой комнате. На её фоне, серое небо было светлым, как при ясном солнечном дне. Однако такая меланхолия нравилась обитателю помещения, план интерьера которого был известен лишь хозяину, сидевшего в центре за столом. Единственным источником света была лама с лимонным абажуром. Освещённые тусклым светом, бумаги лежали под суровым взглядом главврача - Ивана Евгеньевича Стенкина.

Если когда-нибудь вам придётся попасть в тебердинский туберкулёзный санаторий, то будете поражены не только живописными видами, но и главврачом. В свои тридцать восемь мужчина был бледнее и худее любого мертвеца. Из волос у него был только каштановый пучок на подбородке, которым Иван Евгеньевич так дорожил, что всегда находил время для расчёски. А если встретиться с ним взглядом, то по телу тут же пробежит дрожь от пронзительных серебряных глаз.

Бумаги, мозолившие глаза Стенкина, были от интернов. Единственной отрадой погружения в работы юных врачей была гордость за свои труды. Ведь если они станут знаменитыми профессионалами своего дела, то и фамилия их учителя будет на слуху у всей страны или даже мира. Да, зажил бы он тогда. Но всё потом, потом, а сейчас надо работать, как и все ради своего светлого будущего. Только следующая карта больного заставила глаз главврача задёргаться. Не собираясь тратить алые чернила ради очередной пометки, главврач рывком поднялся, откинув несчастный стул, и отправился проповедовать еретикам.

В дали раздался гром.

Несясь как ветер среди толпы пациентов, он успел напугать ни одну тройку пожилых пациентов своим разъярённым худощавым лицом. Дверь, отбившая громким хлопком штукатурку, вызвала чей-то женский крик и взлёт

колоды карт в воздух. На пару секунд в комнате повисла тишина, давая разглядеть всю картину, состоявшую из трёх человек, с перепуганными лицами, одно из которых и вовсе застыло с поднятыми вверх руками.

- РИХНУЛИСЬ!? - Окончание слова та проглотила, поскольку голос отняла фигура учителя. Опущенное к столу, лицо девушки моментально покрылось пунцовой краской.

- С тобой я поговорю позже... - Кинув папку прямо на оставшиеся карты, Иван Евгеньевич прошёлся взглядом по остальным практикантам. Мужчина знал за кем пришёл и ожидал реакции виновника, когда он узнает папку своей пациентки. Если бы не присутствующие в помещении люди, Стенкин бы давно уже расплылся в довольной садисткой улыбке, лицезря как, поднятые вверх, руки ученика медленно опустились.

Поверх, приклеенного, ровного куска бумаги с именем владельца карты скрепкой закреплён стикер, на котором большими буквами было написано "ДОБРЫН". И ниже, еле разборчивым почерком, дописано "Степан Михайлович". Автором такой необычной подписи был он сам, потому быстро узнал её. В голове началось жужжание из потоков мыслей. Как? Что он опять сделал не так? Неужели ночи с фонариком и учебником под одеялом, пока дедушка и бабушка спят, так ничему его не научили? Самоанализ теперь стал интереснее стоящего перед ним главврача.

Вот она - основная черта Добрына, что постоянно бесила Ивана Евгеньевича. Степан был единственным учеником на его памяти, который так спокойно реагировал на ругань. Обычно хватало месяца, чтобы интерн так боялся Стенкина, чтобы только при одном искривлении его сухих тонких губ, всё тело бросало в дрожь, ноги становились ватными, а в глазах темнело. Но только не Добрын. Как бы тот не ошибался, молодой врач всегда реагировал сдержанно, ни споров, ни недовольного взгляда, поливанием грязью за спиной. Ни-че-го!

Снова лишившись возможности лицезреть унижения Добрына, главврач недовольно выдохнул и подтолкнул рукой потрёпанную медицинскую карту. Вид витающего в облаках Стёпы уже лишал всякого самообладания, по тому следующим шагом был удар по столу.

- Добрын!

- А? - Наконец-то соизволил вернуться на землю Стёпа.

- Ты зачем прописал Гусеничкиной к изониазиду ещё и иклосерин?!

- Она говорила, что не чувствует изменений с предыдущим лечением.

Раздался самоуверенный смешок Лизина, с явной насмешкой посмотревший на сверстника.

- Если смешать их, то у твоей пациентки повысится токсичность. - Закончив знакомить Добрына с химией, интерн повернул голову к Стенкину, в ожидании одобрения.

- Верно! -возмущённо кивнул ему Иван Евгеньевич и хлопнул по спине.- Видишь, как хорошо включаешь мозг!?

- Да. - Согласился он с учителем, уже окончательно уйдя в мысли о пациентке. Стёпа не мог позволить себе смерть больного, а тут чуть сам не привёл старушку к могиле.

- Ничего доверить тебе нельзя! - Для ясности своих слов, Стенкин быткнул его в лоб до боли в голове, но по санаторию и так шли слухи о нечестном повышении всего за год работы. Не хватало ещё и новинки в виде исков за рукоприкладство.

Гордой походкой главврач покинул помещение с громким дверным хлопком, оставив медкарту на совесть оставшихся практикантов.

- Псих! - Съязвила напоследок девушка, скрещивая руки на груди. - Теперь всё собирать!

В это время Стенкин направился к самой пациентке. Её звали Раиса Дорофеева Гусеничкина. В документах она была почти во всех больницах для лечения или профилактики туберкулёза в стране, вот только нигде не могли узнать пациентку, даже работники, давно ушедшие на пенсию. Но об этой странности никто и не догадывался в санатории, поскольку у медсестёр были более важные дела, чем проверять досконально документы поступившей больной.

Наконец-то заветная дверь палаты предстала перед мужчиной. Теперь только быстрый диалог с пациенткой о смене лечащего врача и можно опять закрыться в своей тёплой норе. Тремя стуками Иван Евгеньевич предупредил о своём приходе, хотя шансов сбежать у Раисы Дорофеевы не было.

- Гусеничкина? - Спросил Стенкин, оглядев палату, в поисках пожилой дамы. К счастью для него, в палате была всего одна пациентка, остальные две кровати были аккуратно убраны.

Пройдя в помещение, пропитанное ароматом лаванды, главврач впал в недоумение. Почему здесь было так светло? Иван Евгеньевич бы предположил о том, что дождь просто окончился, однако тут же раздался шум молнии и во втором окне палаты блеснула вспышка. В недоумении Стенкин подошёл к нему. За стеклом было лишь поле из тёмных облаков в небе, а золотые лучи проделали в нём небольшую щель, через которую и попадали в комнату к старушке.

Лицезрев это чудо, челюсть мужчины приоткрылась, но он быстро опомнился и, прокашлявшись в кулак, повернулся к больной. Раиса Дорофеевна даже брови не нахмурила от такого бестактного вторжения в комнату и покорно ждала, когда же внимание Стенкина вернётся к ней.

- Да. Что-то случилось?

- Добрын - вот что случилось. - почти с рычанием произнёс главврач. - Этот бездарь назначил вам препараты, что просто бы убили вас! Но вам повезло, что я был рядом, чтобы спасти вашу душу от него.

- Душу... - Уголки губ пожилой дамы растянулись в ностальгической улыбке, а взгляд отстранился к освещённому потолку. - Ей уже давно ничего не навредит.

- Да, да, да, конечно. — Особо не отреагировал Иван Евгениевич.

- Только не могу понять. Стёпка так долго решал, что мне нужно принять. Вы уверены, что он ошибся?

- Конечно! -возмущённо заявил Стенкин. - Меня не волнует, как долго он корпел над работой! Он будущий врач и обязан сразу определять лечение! Это даже не диагноз!

- Но он всего лишь учится. - Сложила брови домиком собеседница.

- И что же? Позволять ему убивать по глупости пациентов? Я вообще-то жизнь вам спас, а вы перечите!

- Я благодарна. - Как-то менее воодушевлённо ответила старушка. - Но зачем так унижать тех, кто старается исправиться? Стёпа и так плохо спит, лишь бы подучиться, Тамара и Антон очень переживают за него.

- Тамара... и... Антон? Кто это? - Спросил в ступоре Иван Евгеньевич, боясь, что у бабки начались галлюцинации и лечение выйдет куда сложнее. Буйных ему ещё не хватало.

- Бабушка и дедушка Добрына. - Успокоила мужчину Гусеничкина.

- Понятно. - Немного недовольно выдохнул собеседник и подошёл к кровати. - Если вы пришли мной манипулировать - то можете смело подниматься и уходить отсюда! Я учу так, как считаю нужным! Вам вообще должно быть стыдно, что вы выгораживаете Добрына. Только потому, что он ваш родственник.

- Он мне не родня.

- Ну значит внук вашей подруги! Смысл тот же!

- Я не знакома с его родственниками. - Насмешливо улыбнулась старушка. Её явно веселило такое недопонимание.

- Не лгите мне!

- Поверьте, я не лгу. Я даже не живу здесь. Вы должны были это заметить. Если, конечно, проверяли мою медкарту.

Подобное замечание прошло мимо ушей обвиняемого. Иван Евгеньевич всегда особо не заморачивался с проверкой документов пациента.

- Это не моя работа. Но даже если вы и не знакомы, то зачем вам его защищать? Я справляюсь со своей работой! Советы мне не нужны!

- Если бы справлялись, то меня бы здесь не было. - Уверенно парировала Раиса Дорофеева.

- Вы смеее заявлять, что я не справляюсь со своей работой!?

- К сожалению. Такими темпами ты не обучишь мальчишку, а заставишь покинуть университет. - Качая головой, заключила Гусеничкина. - Ох, жалко его. Он ведь старается.

- Жалко? Жалко!? - Чуть ли не плюясь слюной, тот отстранился от кровати, предварительно тряхнув изножье. Чтобы немного справиться с нарастающим гневом, мужчина начал шагать по комнате, в неразборчивом маршруте, размахивая руками. - Конечно вам жалко! Вы просто живёте по принципу - «всё, что выглядит хорошо - хорошо, а что плохо – плохо»!

- Отнюдь. Всё меняется. И вы можете измениться.

- Нечего мне меняться! Единственное, что может меня досконально изменить - это деньги! Заживу хотя бы по-человечески!

- А разве вы уже так не живёте?

- Да разве это жизнь! - Всплеснул тонкими руками мужчина. - Шесть лет обучения в престижном университете ради того, чтобы работать в этом захолустье!

Наконец-то Иван Евгеньевич остановился и повернулся к пациентке. Быстро сократив расстояние между собой и кроватью, тот вновь ухватился за изножье, угрожающе нависая над Раисой Дорофеевой.

- Разве ЭТО жизнь?

Старушка наигранно охнула.

- Вы правы. Нельзя так жить. Вы ведь так много сделал для карьеры. - Мотая головой, начала она «жалеть» Стенкина.

Раиса Дорофеева скрестила руки и упёрлась подбородком на ладонь в размышлении. За свою жизнь она повидала не мало людей, подобных Стенкину. И возможно она врала, когда говорила о том, что всё можно изменить. Пока она не видела, чтобы человек менялся. По тому старушка и задумалась. Стоит ли снова пытаться, если уже много раз не срабатывало? Чтож, может быть она была и вправду глупа, но всё же потянулась к прикроватной тумбе и из неё достала небольшую коробку из-под конфет.

Как это обычно и бывает, в коробочке находились далеко не сладости. Она была наполнена склянками с травами и засохшими цветами, различными украшениями ручной работы, фигурками из глины, нитками разных цветов и тканями. Но больше внимание недовольного мужчины привлекла карта таро с изображённой на ней башней и соответствующей надписью.

Не успел Иван Евгеньевич сказать и слова, как в руках у Гусеничкиной оказался кулон, с привязанной к ней колбой. Сначала ему показалось, что колба пуста, но приглядевшись, обнаружил, что на дне лежало семечко. Злоба сменилась недоумением, когда старческая рука протянула вещицу к нему.

- И....зачем мне это?

- Этот кулон поможет вам достичь желаемого. - Бодро заявила Раиса Дорофеева.

Снова тишина. Стенкин не мог до конца осознать, что сейчас происходило, по тому разразился хохотом на всю палату.

- Серьёзно? - Старался перевести дыхание Иван Евгеньевич. - Вы думаете, что баночка на ниточке как-то поможет мне в жизни?

- Всё лучше, чем не честным путём добиваться должности.

Смех оборвался. Удар был в точку. Но откуда? Откуда неизвестная ему старушка могла знать о том, как простой медбрат стал главврачом? Она пришла за ним? Вот и конец его карьере?

- Не волнуйтесь. Я никому не расскажу. Но только при условии, что вы будете носить этот кулон. Хотя бы месяц.

- Но вы выпишитесь от силы через полторы недели!

- Я приеду посмотреть на результат. Только знайте, что условие заключается в постоянном ношении кулона. - Наставнически вытянув палец к нему, предупредила его Гусеничкина.

Стенкин согласился и после того дня его никто больше не видел. Точно также, как и старушку. Уже вечером главврача уволили, а Гусеничкина сбежала. Но спустя полтора месяца сама пропажа постучала в дверь комнаты отдыха. Встретил её только Добрын, остальные были заняты. На расспросы юнца Раиса Дорофеева ответила кратко – «Налей чаю, и я тебе всё расскажу». И вот, весенним вечером они сидели за маленьким столиком, попивая тёплый жасминовый чай.

Как оказалось, Гусеничкина просто решила отправиться обратно в свой город, посчитав себя здесь более не нужной. А со Стенкиным дела обстояли на много интереснее. В тот день Иван Евгеньевич уже хотел было спать, но его оборвал телефонный звонок. Звонящим был Борис Борисович Тенётов, его

бывший пациент, оказавшийся владельцем частной больницы в Москве. Он хотел всего лишь поговорить с врачом, что однажды излечил его от ужасного недуга, но в ходе разговора узнал беду мужчины. Не колеблясь ни на секунду, Тенётов предложил ему работать у себя. Стенкин сначала засомневался, однако свой выбор Тенётов объяснил тем, что видел, как отдаёт себя работе главврач. Спорить с ним Иван Евгеньевич конечно же не стал и согласился. Жизнь Стенкина кардинально изменилась с тех пор. Приехав в Москву, Иван Евгеньевич быстро адаптировался. Ему даже казалось, что он родился здесь, а жизнь в другом городе оказалась ужасным сном, от которого он наконец-то пробудился. Сдружившись с Тенётовым, он так же познакомился со столичной элитой, принявшей его как родного. Конечно, ведь среди бледных горожан, лицо Ивана Евгеньевича казалось ещё самым живым.

Прошёл месяц и однажды утром главврач обнаружил в кресле своего кабинета, незваного гостя. Это была Раиса Дорофеева. Видеть её он не хотел точно так же как и любого другого человека ниже его по статусу, однако терпеть, общение с подобными ей, стало своего рода хобби.

- Ну здравствуй, милоч! Как мой подарок?

- Подарок? А! Вы про кулон. - К собственному удивлению, Стенкин понял, что не снимал украшение весь месяц. Даже в ванной, словно изделие было с ним одним целым.

- Да. Так он помог? - Не унималась старушка.

- Конечно же нет! Это просто ребячество, смирись. - Главврач начал снимать с себя изделие и вскоре протянул его обратно владелице.

- Не помог? Как так? - Вздохнула пенсионерка, пока не забиравшая кулон. - Разве это всё - Она провела рукой по воздуху, охватывая всю комнату. - не итог действия моего подарка? Разве ты не стал жить по-человечески?

- Кончено стал! Но я добился этого сам! Это МОЙ пациент позвонил мне для работы! Теперь Я стал героем этой истории!

- Хорошо. - Выхватила из белых рук кулон старушка и начала его более внимательно разглядывать. То, что она заметила, заставило морщинистые глаза распахнуться шире и в смятении отложить кулон на стол. - Прежде чем я уйду, ответьте мне на один вопрос. Почему вы так и не полюбили людей?

- Потому что они этого не заслуживают. - Холодно ответил Иван Евгеньевич.

- Тогда вы и вправду герой своего времени.

Кивнув, старушка поднялась и покинула навсегда кабинет. Оставив Ивана Евгеньевича Стенкина разглядывать колбу.

Когда Раиса Дорофеева закончила свой рассказ, то какое-то время просто разглядывала недопитую жидкость.

- И что было дальше? - Не терпеливо спросил Стёпа.

- Он умер. Вчера ещё.

- И... почему нигде об этом ни строчки в газетах?

- Потому что никому нет дела до человека, когда он теряет свою ценность. - Выдохнула старушка. - Но зато он стал как все люди.

- А что же вы такое увидели в колбе?

- Семечко проросло.

- И он этого не увидел?

- Нет. Всегда трудно увидеть самому, как эгоизм поглощает тебя.

Смысл сказанного Добрын понял лишь тогда, когда пришёл на могилу к бывшему наставнику, надгробие которой загораживала кривая яблоня, росшая будто из тела мертвеца.